

САМОРОДОК И МУЗА

Георгий Юматов – кумир 60-х и 70-х, сам стирал носки и варил борщ. После него не осталось ничего, кроме его фильмов. Бриллианты его жены носит другая женщина. В его квартире живет посторонний человек. И даже похоронили его в чужой могиле...

КАК СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ

Моряком Жора Юматов хотел стать с детства. С прицелом на флотскую карьеру усиленно занимался спортом и в 1941 году стал курсантом военно-морской школы. Война сильно сократила сроки обучения. Уже в 1942-м Юматов прорвался на фронт. Ходил на торпедных катерах сначала юнгой, потом рулевым. В составе Азовской и Дунайской флотий брал Измаил, Бухарест, Будапешт и Вену. Когда получал очередную награду – медаль адмирала Ушакова, – не мог и предположить, что спустя десяток лет сыграет в фильме Ромма о знаменитом русском флотоводце.

Такое может быть только в сказке или в кино. Александров решил снять новичка в крошечном эпизоде. Жора появился в фильме всего на пару секунд с одним-единственным словом: «Разрешите?». А через несколько лет, вспоминая этот случай, Александров рассказывал, что более элегантно и тактично в советское кино не попадал никто: «Даже разрешение спросил!». Александров отвел Юматова во ВГИК, к другому мэтру – Сергею Герасимову, набиравшему свой первый курс. Тот посмотрел на него, послушал. «Мне его учить нечему. Самородок», – и сам привел парня в театр киноактера, где его сразу же ввели в спектакль «Дети Ванюшина». В том же году Жора (Юматова до са-

мой смерти все называли по имени) снялся еще в двух фильмах, в эпизодах. А потом пошло-поехало: «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», «Три встречи» – за два года пять фильмов, большинство из которых сразу назвали эпохальными. Вот так бывший юнга и отчаянный храбрец, носивший форму только потому, что «больше нечего было надеть», и не знавший, чем бы ему после войны заняться, стал звездой.

КУЛЬТ ДОЧЕРИ

На съемках «Молодой гвардии» сыграли много свадеб. Самая шумная и веселая, хоть и самая бедная, была у Юматова и Музы Крепкогорской. Муза, как и большинство актеров, снявшихся в этом фильме, училась у Герасимова. К тому же была сталинской стипендиаткой и играла во МХАТе. Невероятно остроумная, общительная, образованная и при этом беленькая, как ангелочек. Юматов только много лет спустя узнал, что на самом деле Муза – брюнетка, почти цыганка и всю жизнь травит волосы.

А тогда... Он был влюблен и ходил за ней как хвост, а она тут же окрестила Жору Георгием и великодушно позволяла себя любить. В фильме ей досталась роль предательницы Выриковой, хотя сначала ее чуть не утвердили на Любку Шевцову.

– Инка Макарова об этом узнала и быстренько переспала с Ге-

расимовым. Поэтому-то она, а не я, и сыграла Любку. А эта проклятая Вырикова загубила всю мою карьеру! – плакалась Муза своим знакомым.

Огромная коммуналка на Страстном бульваре, дом 1, с окнами на нынешнюю «Чеховскую». Здесь, в одной из 16 комнат, и жили Крепкогорские. Здесь же поселились и Муза с Жорой. Посреди 33-метровой комнаты стоял отцовский концертный рояль. Виктор Крепкогорский, один из аккомпаниаторов Шаляпина, играл на всех инструментах. Его жена – Лидия Ивановна – потомственная дворянка, совсем юной девушкой сбежала в чем мать родила в Москву, где познакомилась с немолдым музыкантом Крепкогорским и одного за другим подарила ему трех детей. Первой была Муза. Вторая дочка родилась очень больной, и хотя ее выжили несколько лет, малышка все равно умерла. Третьим появился Валера.

В конце 30-х, когда в столичной богеме начались чистки, Виктор Крепкогорский, испугавшись, что вместе с ним заберут жену и детей, приладил дома веревку и повесился. Случилось это в день рождения Валеры. Муза, увидев отца с петлей на шее, несколько дней не могла разговаривать. Вскоре Лидия Ивановна с огромным трудом устроилась работать в МГУ, лаборанткой в химическую лабораторию, а Муза с тех пор стала любимым и самым оберегаемым ребенком.

Сразу после школы, по настоянию матери, Муза поступила на биофак МГУ и одновременно, но уже втайне от родни, во ВГИК. И там, и там она проучилась семестр и только потом призналась маме, что твердо решила стать актрисой.

ОНА ВЕРТЕЛА ИМ КАК ХОТЕЛА

В середине 60-х на знаменитом Одесском привозе висела потрясающая реклама консервного завода: «Если хочешь сил моральных и физических – пейте соков натуральных – укрепляет грудь и плечи!». И рядом с этим призывом на фоне консервных банок – улыбающееся лицо Музы Крепкогорской, с большими щеками и ямочками, нарисованное каким-то местным художником.

Бриллианты, золото, красивая посуда – Муза не ограничивала себя ни в чем и никогда не считала деньги. «Жорж заработает», – не сомневалась она, покупая себе очередное колечко, а мужу – дешевые котлеты в соседней кулинии.

И Юматов сам, если не было тещи, варил себе борщ, сам, возвращаясь с очередных съемок, стирал носки и рубашки. «Жоржик, ну ты же знаешь – мне некогда», – на ходу бросала Муза и куда-то спешила. Приходили ее подруги, тетки, мать и дружно откармливали голодного Жоржа. Иногда, во время шумных гулянок, на кухню пускались девчонки-«юматовки» – поклонницы, часто дежурившие у них в подъезде.

Популярных артистов часто приглашали к себе на дачи партийные бонзы. Столы ломились от закусок, водка лилась рекой. Муза любила такие мероприятия – там она могла продемонстрировать свои роскошные обновки, которые ее брат Валера, ставший дипломатом, постоянно присылал из Америки или Швейцарии. Жора приходил в ужас, когда видел, как какая-нибудь хозяйка такого семейства выкидывала в помойку чуть подветрившуюся колбасу. Многие актеры соглашались пить и плясать

за накрытыми столами, Юматов же лишь наливал стаканами водку. «Столько дерьма развелось. Вот идешь и боишься, как бы не наступить», – возвращаясь с очередной такой вечеринки, цитировал он Раневскую. И еще больше бесился: «Кто эти люди и почему они так живут?!».

Муза вертела Жоржем как хотела. Только она могла заставить Жору закодироваться или, наоборот, если ей это было выгодно, – спровоцировать его запой. В такие минуты она хлопала дверью и убегала на очередное свидание. Что поделать – и у нее, и у него все время были какие-то увлечения на стороне.

– Жоре нравились хрупкие интеллигентные девушки, которых бы он мог защищать, а в него влюблялись крупные, властные, красивые женщины. Так что это еще большой вопрос – кто кого соблазнял, – смеется режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич. – Он никогда не красовался, что свойственно многим актерам, и при этом в нем было столько обаяния и настоящей мужской красоты, что женщины чувствовали это за версту и не давали ему прохода. А если он начинал что-то рассказывать – о войне или просто травить анекдот – все забывали о водке и слушали его, открыв рот. Он крутил романы с замужними дамами и нередко дрался с их мужьями, а потом, после съемок, быстро остывал.

Жора мечтал о детях, а Муза считала себя незаслуженно забытой и обиженной и все время ждала, что ей наконец предложат большую роль. Поэтому и не хотела рожать ребенка, постоянно делала аборт. Все переживала – вдруг позовут, а она окажется беременной? Она снова «залетела», когда Юматов уехал на очередные съемки. «Она уже на 4-м месяце, неужели снова аборт?!» – с ужа-

Крепкогорская Муза

сом подумал Жора и прилетел в Москву. Он опоздал всего на десять минут. Больше Муза иметь детей не могла... После этого они не жили вместе несколько лет, но при этом не разводились.

НОВОЕ СТАРОЕ СЧАСТЬЕ

Наверное, это любовь – говорили все их знакомые. Что бы ни происходило у Жоры, с кем бы ни крутила романы Муза, их снова тянуло друг к другу. И они снова стали жить вместе.

Как раз в это время начали строить актерский кооперативный дом, недалеко от метро «Аэропорт», – говорит Елена Крепкогорская, родная племянница Музы. – В этом доме купили квартиры многие их друзья – Алла Ларионова с Николаем Рыбниковым, Ляля Шагалова. Мой отец прислал им денег на третью комнату, чтобы они взяли с собой Лидию Ивановну, их мать. Я помню, что Муза рассказывала мне, как они ездили с Жоржем на лошадах смотреть дом.

Теперь, в огромной трехкомнатной квартире, творческая душа Музы могла развернуться на всю катушку. Вместе с Аллой Ларионовой они носились по Москве в поисках приличной мебели и хрустала. Муза, как Плюшкин, скупала комиссионки и тащила все в свое новое жилище. Первой заказала огромную кожаную кровать, на которую бегала смотреть вся актерская тусовка.

У них дома всегда было полно народу. Муза как настоящая светская дама обожала устраивать вечеринки. В то время к ним на огонек заходили и Марина Влади с Владимиром Высоцким, с которым Жора подружился на «Опасных гастролях». Когда же Высоцкого КГБ не утвердил на роль советского разведчика Бирюкова в фильме «Один из нас», написанную специально для него, то Володя сам привел Юматова к режиссеру Геннадию Полоку.

Эта роль, по признанию очень многих, была у Жоры лучшей, – считает Геннадий Полока. – У Юматова не было профессионального актерского образования, и, как мне кажется, он из-за этого немножко комплексовал. Не было техники Миронова и Караченцова, но ему очень хотелось и в этом качестве доказать свою состоятельность. А здесь надо было и петь, и танцевать – и всему этому его учил Высоцкий. И Жора доказал!

Юматов обожал машины – мог целыми днями валяться под днищем и чего-то ремонтировать – и гонял на них как сумасшедший. Не обходилось, конечно, и без аварий – однажды он врезался вместе с Аллой Ларионовой. Пер-

вой красавице советского кино неудачно зашили губу, и ее перестали снимать в кино.

Мы ехали ночью из аэропорта на такси, – продолжает Геннадий Полока. – Дорога жуткая, гололед. И прямо перед нами заносит самосвал. Водитель развернулся и врезался в заднее колесо. Впереди сидела Муза – она снималась у меня во многих фильмах, – мы с Жорой сзади. «Муза, закрой лицо», – успел крикнуть Юматов, и она спряталась за кейсом. Сорвало двигатель, выбило стекло, превратив лицо шофера в кровавое месиво. Нас увезли в больницу. У Музы порваны связки и трещина в ноге, у Жоры трещина позвоночника, я с раздробленным коленом. Жору на два месяца заковали в корсет и велели не вставать с постели. Картина оказалась под угрозой закрытия. И тогда Юматов стал сниматься в корсете! Из-за травмы позвоночника у него начало очень быстро сохнуть лицо, и мы боялись, что к концу съемок его уже невозможно будет узнать. К счастью, через год этот процесс остановился, а Жора потом всю жизнь спал на доске. Но все равно, как и раньше, все трюки в фильмах он делал сам, не терпел никаких дублеров.

«ПСИХИ ЕСТЬ ХОТЯТ. АЛКАШИ ТОЖЕ!»

Чем популярней становился Юматов, тем большую охоту за ним устраивали почитатели его таланта. «Жестокость», «Они были первыми», «Порожний рейс», «За Калужской заставой» – после этих фильмов к нему вламывались в номер, похищали со съемочной площадки и тут же наливали водку. Куда бы он ни приходил, первым делом ему несли стакан: «Жора! Ну не откажи, ты же свой, из народа!». И Жора не отказывал. Да и вообще никому не рассказывал, что он – коренной москвич, родился в профессорской семье и его старшие братья – обладатели высоких научных степеней. Да и кто бы в это поверил?

Режиссеры и их помощники молились Богу и Музе, лишь бы он не ушел в запой. «Если бы не торпеда, нажрался бы – сил больше нет», – твердил Юматов на съемках очередного фильма, дававшего всем очень тяжело. И вот на киностудии появился очень приличный мужчина и потребовал вызвать Юматова. Ассистентка, поговорив с ним, даже решила его пустить – все-таки старый друг, вместе воевали, – да почувствовала легкий запах алкоголя и перекрыла все пути. Мужик этот, капитан дальнего плавания, все же узнал Жорин адрес и заявился к нему домой. Оказалось,

год назад их вместе кодировали. Пока Муза была на съемках, капитан выставил на стол две бутылки отличного коньяка. «Ты что – я же помру», – испугался Юматов. Капитан налил себе и тут же хлопнул. «Живой?!» – страшно обрадовался Жора и бегом в сберкассе. Снял с книжки четыре тысячи рублей и – гулять в Ялту.

Мы встретились в самолете, – рассказывает Владимир Мальцев, одесский друг Юматова. – Меня после этого искали четыре дня, Жору – две недели. Нашли случайно в Ялтинском вытрезвителе, а до этого на его деньги гудело полКрыма.

На съемках «Порожнего рейса» Жора в очередной раз сорвался и загремел кодироваться в психушку. Дело было в Ленинграде.

«Верка, умираю, жрать хочу. Привези котлет и борща!» – позвонил он Вере Линдт.

И вот приезжаю я в «дурку» и все думаю, как бы его позвать. А он тогда популярен был просто невероятно, разговоры бы тут же пошли: «Юматов в психушке!» – вспоминает Вера Линдт. – Тихонечко так у окошка его спрашиваю и с ужасом слышу знакомый голос: «Так, кто тут еще продукты привез! Я сейчас в 5-ю и 6-ю палату собираюсь. Психи есть хотят, алкаши тоже!». И тут же высывается вихрастая Жорина голова. Посетители меняются в лице. «Что же ты делаешь, сидел бы, не высывался», – начала я его укорять. «Да ладно, подумаешь!» – отмахнулся Юматов. В следующий раз, когда я его навещала, Жорж вообще из больницы уехал... на базу за продуктами. «Чем вы народ кормите – сплошная тухлятина!» – устроил он разнос на складе. – Так, несите картошку, да не гнилую! И рыбку свежую, и овощей получше!».

В психушке на Юматова просто молились: мало того, что продукты после его выволочки стали привозить нормальные, так Жора еще и старую проводку сам поменял, и радио в палаты провел. «Жорж, ну куда же ты? – рыдали медсестры, когда он выписывался. – Может, утюг еще починишь?» – «Ладно, девчонки, тащите...»

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Кинокритики не раз подсчитывали, сколько ролей Юматов потерял из-за своего пьянства. На роль красноармейца Сухова в «Белом солнце пустыни» «Мотыль» никого, кроме Жоры, больше не пробовал. «Если запьешь – сниматься не будешь», – сразу же предупредил режиссер.

Жора мечтал об этой роли, это же он придумал Сухова от начала и до конца! – вспоминает Ве-

ра Линдт. – Но тут перед самыми съемками пришла ужасная новость: погиб режиссер Курихин, Жора снимался у него в картине «Не забудьте: станция Луговая». Ехал на новой машине с семьей в Прибалтику и заснул за рулем... Жора был потрясен – эту самую машину он сам помогал ему покупать. Так бы очередь Курихина подошла через несколько лет, а Юматов «посветил» лицом, и тому продали. Жора помчался в Ленинград. Держался на похоронах, на поминках. А вечером к нему в номер ввалился его друг, Александр Суснин, с водкой и кучей приятелей. «Если бы не ты, Курихин был бы жив», – наливая стакан, бросил Суснин. И Юматов, и так клявшийся себя за эту смерть, не выдержал, развязал.

Утром его увидел помощник режиссера и тут же доложил Мотылю. «Договор был? Был. Так что извини», – после этих слов Юматов ушел в «крутое пике».

Я тут же по просьбе Музы приехала в Ленинград, – продолжает Вера Линдт. – Суснина Жорж сильно избил и выгнал. У Юматова не было ни копейки. Часы он заложил на одном этаже, паспорт на другом, костюм на третьем. А Владимир Мотыль сидел вместе с новым Суховым, Анатолием Кузнецовым, в летнем кинотеатре и смотрел юматовские пробы. Фурража, лихо заломленная на затылке, бодрая походка, лукавый взгляд – Сухов собственной персоной, оставалось все это только повторить.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Жуткие запои заканчивались глубокой завязкой. И тогда Жора становился просто невыносим. Вечно бурчал себе что-то под нос, был всем недоволен. Улыбался он только тогда, когда возился с собаками: с ними он нянчился больше, чем инье с собственными детьми. В любом городе, возле любой гостиницы около него крутились различные псы. В Москве им с Музой собак дарили, подбрасывали, они их сами подбирали на улице. «Мы создали животных, у которых только одна функция – любить человека. И обидеть такое существо – что самому себе в душу плюнуть», – не раз говорил Юматов и, увидев очередную дворнягу, спешил по знакомым – пристраивать.

Однажды на войне собака спасла ему жизнь. Выпрыгнула с корабля в море, Жора за ней. И в это время в судно попала бомба. Погибли все, кроме него и пса. Потом он как-то гулял с двумя своими любимцами, и в тротуар въехал пьяный водитель. Собаки бросились под колеса, Юматова откинуло в другую сторону, и он снова остался жив.

«Офицеры», «Петровка, 38», «Огарева, 6», «ТАСС уполномочен заявить» – после оглушительного успеха десять лет полного забвения. Из Театра киноактера их с Музой попросили. В начале 90-х Юматову, правда, предлагали несколько ролей, но, прочитав idiotские перестроечные сценарии, он лишь злобно матерился и бросал в трубку: «Что вы снимаете?!».

Только после нескольких лет внушительной переписки с ленинградским военным архивом его признали инвалидом войны, а потом, узнав о бедственном положении актера, ему даже выделили президентскую премию.

В марте 1994 года о Юматове вновь заговорили все. «Кумир 60-х застрелил человека» – кричали заголовки всех российских газет. Когда умерла очередная любимая собачка Фрося, жившая у него 11 лет, он попросил дворника похоронить ее. Похороны эти начали утром, часов в 6 – 7. Потом они стали поминать собаку. Во время поминок он показал дворнику

трофейное ружье. Вскоре дело дошло до выяснения отношений. И возник спор – надо ли так убиваться над собакой. Дворник сказал: «Собака есть собака. Это же не человек». На что Юматов возразил, сказав: «Иная собака намного лучше человека иного...» Дворник сказал: «Ты такой же нищий, как и я. Ну, артист, ну воевал, а кому ты сейчас нужен? Ни на той стороне воевал и не в ту сторону стрелял. Если бы стрелял куда надо, сейчас бы пил баварское пиво». Юматов спросил: «Ты сам из Нагорного Карабаха. А чего же здесь ошиваешься, когда у тебя на родине стреляют?». Дворник схватил со стола нож и бросил его в Юматова. Тот поднял ружье и раздался выстрел. Через полчаса Юматова отвезли в милицию, а оттуда – в «Матросскую Тишину».

На защиту всеобщего любимца встала вся актерско-режиссерская старая гвардия. Все в один голос утверждали, что ружье он лет двадцать не трогал, хотя прекрасно знали, что без охоты, как и без собак, Юматов жить не мог. Твердили, что человек он в общем-то спокойный, мирный, нарочь забыв, как Юматов, даже будучи в завязке, бросался в драку, раскидывая своими могучими руками по десять, а то и больше человек, если видел, что кого-то незаслуженно обидели.

Известный адвокат Борис Кузнецов сумел доказать, что первым на актера напал сторож, а он действовал в порядке необходимости обороны. Да и родственники погибшего быстренько смекнули, что со знаменитого актера можно получить не только моральную компенсацию.

В «Матроске» Жора пробыл чуть больше двух месяцев – в СИЗО его все обожали и сразу же положили в «больничку», обеспечив телевизором и книжками. Окончательно домой он вернулся в мае, попав под амнистию к 50-летию Победы.

Это уже был другой Юматов. Окончательно бросил пить – причем сам. Стал ходить в церковь. «Мой Музочек, Музочка, я так тебя люблю», – часто повторял заметно состарившийся Жорж и шел на кухню – варить уху. «Я не умею готовить, не люблю убираться. И чего ты во мне нашел?» – отшучивалась Муза. Ее мать давно умерла, тетки тоже, и больше никто не разгребал ее завалы. И тогда Муза садилась за телефон и обзванивала всех своих подруг и родственников, обещая завещать после смерти свои драгоценности и квартиру. Те приезжали, вытаскивали из-под диванов кучи новых шмоток, про которые Муза просто-напросто забывала, и вылизывали их хоромы.

4 октября 1997 года Юматов умер от кровотечения. Муза пережила своего Жоржа на два с половиной года.

Больше всего на свете Георгий Юматов любил жизнь и собак. Возле его могилы сторожа Ваганьковского кладбища часто видят свору бездомных дворняжек. Других близких у него не осталось... ■

